

А.Е. Жумадилова
Д.Т. Коптилеуова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
*Автор для корреспонденции: aika-yak.92@mail.ru

Художественные особенности романа палестинской писательницы И. Азим «Код исчезновения»: деколонизация теории травмы

Аннотация. Потеря права на историческое присутствие и травматический опыт, преследующий семью Аля, проблематизируют определения принадлежности и идентичности. Данные понятия и травматическая память о палестинской истории пересмотрены в романе «Код исчезновения» 2014 года палестинской писательницы Ибтисам Азим. В этой статье рассматриваются художественные особенности этого романа и поставлена под вопрос теория травмы в отношении трактовки палестинского опыта. Также оценивается релевантность теории для прослеживания образов главных героев: Аля, палестинца из Израиля, и его бабушки, первичного свидетеля Накбы 1948 года. Сделан краткий обзор литературы по теории травмы, а также проанализированы недостатки евроцентрического подхода к данной теории травмы, рассмотрена возможность деколонизации теории травмы в отношении палестинского опыта по роману «Код исчезновения» Ибтисам Азим, написанного в жанре психологического реализма. Согласно роману «Код исчезновения», травмирующие события передаются последующим палестинским поколениям и, таким образом, сохраняют и поддерживают национальную идентичность меньшинства в Израиле. Это показывает, как травмирующие воспоминания могут служить формой сопротивления стиранию личной и коллективной памяти народов-меньшинств, в частности палестинцев. Для передачи палестинского опыта и, как мы считаем, деколонизации теории травмы писательницей использованы следующие художественные особенности психологического реализма: концентрация внимания на внутренней жизни героев, их размышлениях, чувствах, переживаниях, а сюжет романа служит основой для раскрытия их истинного внутреннего мира.

Ключевые слова: теория травмы, Накба (Катастрофа), художественные особенности, деколонизация, коллективная память, сопротивление.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2022-141-4-148-158>

Введение

Вопреки евроцентрическому подходу к теории травмы, междисциплинарному подходу, позволяющему определить истоки, течение, признаки, способы выражения трав-

матического опыта, который часто затмевает события, происходящие на глобальном юге, эта статья деколонизирует и, таким образом, расширяет анализ теории травмы, обнаруживая такие художественные особенности, как повторяемость, произвольные ретроспек-

ции, нелинейность повествования и воспоминания в романе «Код исчезновения» (написанном изначально на арабском «سفر الاختفاء» (2014), а затем переведенном на английский язык - «The Book of Disappearance») (2019) [1]) палестинской писательницы Ибтисам Азим. Теория травмы, которая сосредотачивается на пассивности травмированного субъекта [2; 3] (Felman and Laub 1992; Caruth 1996), утверждает, что эти травматические нарративы являются эстетическими тропами, изображающими затруднительное положение палестинцев. Но, кроме того, они также служат в качестве тактики сопротивления «официальному» нарративу оккупантов и отражают трагический опыт героев романа и палестинского народа в целом.

Прошлый век принес в Палестину много политических, социальных и связанных с ними литературных изменений. В тех годах лежат коренные причины глубокого конфликта. Палестина и Израиль - ближайшие соседи в регионе Ближнего Востока. Таким образом, евреи и древние арабы мирно сосуществовали в регионе. Однако в начале 19 века еврейское население начало быстро расти. Для этого было много причин: во-первых, естественный прирост населения, а во-вторых, миграция «евреев на родину» в Иерусалим. Но ситуация ухудшилась после Второй мировой войны и геноцида евреев. Затем под влиянием нацистских зверств Третьего рейха сионисты переместились в Палестину. Права евреев как безземельного народа были неполными.

В конце Второй мировой войны, а точнее, после присоединения Израиля к Организации Объединенных Наций в 1949 году, права евреев в Израиле стали более определенными. Оккупировав палестинскую территорию, израильтяне разделили государство на два: арабское и еврейское. Это положило начало острой фазе конфликта. Появилась потребность в литературных произведениях, написанных с целью зафиксировать текущие исторические события и подготовить почву для позитивных изменений. С 1920-х годов, когда был опубликован первый палестинский роман «الوريث» («Наследник»), литература стала

барометром национального настроения: появились такие тенденции, как «литература плача» (1950), «литература сопротивления» (1960). В начале 1980-х годов палестинская литература снова обратилась к теме героического сопротивления; для нее характерны гражданская и военно-патриотическая тематика, высокое чувство исторического момента (к примеру, у таких писателей, как Т. Зияд, С. аль-Касим, М. Бсису) [4]. С 1987 года, когда палестинское движение сопротивления снова вошло в активную фазу, тема борьбы за создание независимого палестинского государства стала доминирующей в литературе.

Целью данной статьи является определение релевантности теории травмы в отношении палестинского травмирующего опыта на основании романа в жанре психологического реализма «Код исчезновения» 2014 года палестинской писательницы Ибтисам Азим.

Согласно поставленной цели, определены следующие задачи:

- Сделать краткий обзор литературы по теории травмы;
- Проанализировать недостатки евроцентрического подхода к теории травмы;
- Определить возможность деколонизации теории травмы в отношении палестинского опыта по роману «Код исчезновения» Ибтисам Азим;
- Определить роль художественных особенностей романа «Код исчезновения» в деколонизации теории травмы палестинского народа.

Методология исследования

Материалом исследования стал роман Ибтисам Азим «Код исчезновения» с точки зрения использования в нем художественных средств для отражения последствий травматического опыта и способов ненасильственного сопротивления нарративу оккупантов. В статье использована теория травмы, а также ее критика за рассмотрение травматических переживаний как непредставительных, аполитичных и антиисторических, а травмированных субъектов - как пассивных и ам-

незирующих. Историко-типологический и когнитивистский подходы дали возможность продемонстрировать устойчивое и продолжительное влияние исторических событий на состояние социума и индивидов, а также обосновать связь литературы с историей, психологией, социологией.

Обсуждение

Ибтисам Азим - палестинская журналистка и писательница из Тайбех, небольшого городка севернее Яффы (Тель-Авив). Азим училась в Еврейском университете Иерусалима и получила степень магистра Фрибургского университета в Германии. В настоящее время она является резидентом США и старшим корреспондентом арабской газеты Daily al-Araby al-Jadeed, а также автором двух романов: «*حيفاوي سارق النوم: غريب*» (Похититель сна: странник из Хайфы) (2011), и «*سفر الاختفاء*» (Шифр исчезновения) (2014), переведенной на английский язык как «*The Book of Disappearance*» (2019). В этом мистическом романе, действие которого происходит в городе Яффа, Азим исследует последствия внезапного исчезновения всех палестинцев с земли исторической Палестины. Азим затрагивает темы одиночества, памяти и потери, сплетая вместе истории об Аля и Ариэле, чтобы пролить свет на тревожную реальность сионистского проекта.

Тревожные вопросы о возможности исчезновения палестинцев и последствиях данного события задаются в романе Азим, действие которого происходит в современном Тель-Авиве после того, как израильтяне обнаруживают, что все их палестинские соседи исчезли. История разворачивается посредством чередующихся рассказчиков, Аля, молодого палестинца, который ведет дневник, обращаясь к своей покойной бабушке, и который он оставил после исчезновения, и его соседа еврея, Ариэля, журналиста, пытающегося понять неожиданное событие. Благодаря этим перспективам в романе происходит противостояние двух нарративов. Ариэль - либеральный сионист, критикующий военную оккупацию Западного берега и сектора Газа, но, тем не

менее, верящий в проект Израиля и его национальный миф. Аля преследуют воспоминания его бабушки о том, как она была изгнана из Яффы и стала беженкой на своей родине. Поиски Ариэлем ключа к разгадке тайны коллективного исчезновения и его реакция на это глубоко раскрывают трещины в самом сердце палестинского вопроса.

Тематика арабско-американской литературы в целом и палестинско-американской литературы в частности часто затрагивает вопросы коллективных и личных воспоминаний, принадлежности и самоидентификации [5; 6]. Маджадж [5] прослеживает, как американские писатели арабского происхождения решали проблемы идентичности и принадлежности, переходя от ностальгических и ассимиляционистских тенденций к более транснациональной и транслокальной позиции. Стивен Салаита [6] утверждает, что в арабско-американской литературе часто используется этноэстетика, основанная на воспоминаниях, языке, традиционной еде и культурных практиках, чтобы представить политические и исторические реалии, которые сформировали идентичность американцев арабского происхождения. Память - это стратегическая тактика, которая воссоздает личность человека и, в случае с Палестиной, помогает противостоять колониализму поселенцев.

В переводе с греческого «*trauma*» означает рану, нанесенную на тело; однако в психиатрии это означает рану, нанесенную разуму [3]. Чтобы считаться травмированными, индивиды или группы, как правило, переживают непреодолимые испытания, угрожающие их жизни. Пережив травматическое событие, травмированные субъекты, вероятно, будут испытывать навязчивые ретроспективы и кошмары; многие становятся беспокойными и чувствуют угрозу смерти или физического повреждения, в то время как другие становятся отстраненными и оцепеневшими. В отличие от обычных переживаний, которые можно забыть, травматические переживания неискоренимы. В следующем чтении романа «*Код исчезновения*» основное внимание уделяется тому, как травмирующее прошлое

накапливается и используется палестинцами, чтобы подчеркнуть долговечность коллективной памяти палестинцев.

Такие критики, как Кэти Карут [3], Шошана Фельман и Дори Лауб [2], а также Бессель Ван дер Колк и Онно Ван дер Харт [7] внесли значительный вклад в распространение этой теории. Основывая свою работу на фрейдистском психоанализе и трудах Поля де Мана о деконструкции и нерепрезентативности, эти теоретики подчеркивают нерепрезентативные аспекты травмы, которые проявляются по истечении времени и беспокоят переживших травму. Карут определяет травму как «рану разума, [которая] переживается слишком рано, слишком неожиданно, чтобы быть полностью познанной, и, следовательно, недоступна сознанию, пока она не налагается снова, многократно, в кошмарах и повторяющихся действиях выживших» [3, 3–4 стр.]. Таким образом, ошеломляющие переживания не вспоминаются, но навязчиво и неоднократно преследуют выживших после травм как кошмары и непроизвольные ретроспективы [7]. Согласно Кэти Карут [3], травмированные субъекты пассивно и бессознательно борются с травматическими проявлениями - состоянием, которое вызывает меланхолию и амнезию. Ловушка этого определения заключается в том, что оно отрицает способность травмированных действовать в борьбе с их травмами или использовать их болезненные воспоминания для воздействия на политические изменения. Как объясняет Эдвард Саид: «Возможно, величайшая битва, которую палестинцы вели как народ, была за право на памятное присутствие, а вместе с этим - за право обладать коллективной исторической реальностью и право ее восстанавливать» [8, 184 стр.].

На самом деле, получившие травму жертвы могут быть активными участниками сохранения коллективной памяти нации для передачи ее будущим поколениям, чтобы вызвать политические изменения. Рут Лейс [9] критиковала Карут, Фельмана и Лауба за их постструктуралистский подход, который заставляет их рассматривать травматические переживания как непредставительные, апо-

литичные и антиисторические, а травмированные субъекты - как пассивные и амнезирующие. Доминик ЛаКапра [10] также отвергает акцент теоретиков травмы на «отыгрывании» и предлагает вместо этого «проработку» - механизм, который помогает пережившим травму восстановить свое болезненное прошлое и взять на себя этическую роль в создании политических и гуманитарных изменений.

Многие ученые, в основном в области постколониальных исследований, отреагировали на недостатки евроцентрического подхода теории травмы, который уделял мало внимания коллективным травмам в других частях мира [11, 12, 13]. Согласно мнению Крапс [11], теория травмы не смогла выполнить свои обещания по достижению межкультурного понимания травм выживших. В книге «Decolonizing Trauma Studies: A Response» Майкл Ротберг [14] утверждает, что распространение теории травмы на колониальные и постколониальные пространства выводит теорию за рамки евро-американского анализа, деколонизирующей позиции, которая выводит теорию травмы на глобальный уровень.

Здесь возникает вопрос, можно ли деколонизировать теорию травмы и, таким образом, включить ее в постколониальные исследования. Здесь мы расширяем потенциальное применение этой теории, обнаруживая травматические нарративы, исследованные в романе Азим, и исследуя, как эти психоэстетические и литературные тропы непроизвольных ретроспектив, нелинейных повествований и пост-воспоминаний способствуют палестинскому проекту сохранения, и, значит, популяризации права на самоопределение палестинского народа.

Недавние исследования показали, как травматическое наследие может быть передано молодому поколению [15; 16]. Сосредоточившись на переживших Холокост, Марианна Хирш [15] ввела термин «пост-память» (postmemory) для обозначения травматических воспоминаний, передающихся от родителя его детям. Молодое поколение палестинцев часто идентифицирует себя со своими травмированными предшественниками, по-

скольку трансгенерационная травма позволяет им лучше осознать свою сложную идентичность и помогает им оказать культурное и политическое сопротивление израильской оккупации. Фарах Абубакр предлагает нам рассмотреть важность палестинских народных сказок как «формы культурного сопротивления» и подумать о том, чтобы «поместить деятельность палестинского фольклориста и рассказчика в исследования памяти, культурных и социальных движений» [17, 2 стр.]. Ахмад Саади и Лиля Абу-Лугод справедливо утверждают, что систематические политические и культурные попытки исказить травматическую историю Палестины «порождают упорный мятеж работы их [палестинцев] памяти» [18, 3–4 стр.]. Воспоминание и сохранение травматического наследия палестинцев в литературе составляют то, что можно было бы назвать «литературной интифадой» (восстанием) против израильского политического, культурного и исторического стирания палестинской коллективной памяти и сознания [19, 300 стр.].

Азим использует произвольные ретроспективы в качестве литературных приемов, чтобы выявить душевное расстройство своих персонажей. Эти эстетические образы нарушают линейность повествования и тем самым утверждают индивидуальные воспоминания персонажей, связанные с их обезземленным состоянием. Бросая вызов представлениям об отсутствии свободы действий и пассивности травмированных, которые поддерживаются теорией травмы, Азим творчески сплетает эти ретроспективы, воспоминания, фрагментированность повествования, чтобы они служили тактикой сопротивления забывчивости и стиранию памяти.

В романе «Код исчезновения» Азим связывает политическое с эстетическим через травматические повествования своих персонажей. В начале романа Аля находит свою бабушку мертвой на ее любимой деревянной скамейке у побережья моря. При жизни она говорила: «Я иду по городу, но он не узнает меня... Море – единственная вещь, которая не изменилась» (перев. авт.) [1, 9 стр.]. По словам бабушки главного

героя, пережившей Накбы и все вытекающие последствия: одиночество, отчуждение, тяжелый труд, только море не изменилось с момента появления израильского государства. И она умерла у этого моря, которое «не изменилось и не ушло, будто оставшись единственной верной вещью» [1, 9 стр.]. Такая смерть является своего рода триумфом для пожилой палестинки, которая, подобно этому морю, осталась верной Палестине и не ушла. После смерти бабушки Аля не только осознал важность воспоминаний и памяти, но и обнаружил изъяны в них:

«Я зол на тебя. Твоя память, которая впечатана в мой разум, вся в прорехах. Не помню ли я все то, что ты говорила, или же это не поддавалось пониманию? Я был молод, когда начал слушать твои истории. Позже, когда я обратился к ним за помощью, я обнаружил эти пробелы. Я начал расспрашивать тебя о них. Но чем больше я спрашивал, тем больше ты путалась, или я сам» [1, 15 стр.]. Данные пробелы в памяти травмированного человека могут быть вызваны фрагментацией, расстройством памяти. По мнению Эхлерса [20], неясно, является ли фрагментация результатом проблем поиска (в настоящее время) или трудностей кодирования, имевших место во время получения травмы. Более того, нужно различать отказ в кодировании во время травмирующего события и кодирование периферийных деталей, а не центрального опыта. Действительно, во время травмирующего события «внимание сужается, позволяя закодировать только определенные аспекты опыта» [21, 783 стр.]. Обращение Аля к памяти и воспоминаниям бабушки, несмотря на пробелы в имеющейся информации, говорит о желании отстаивать свою историю, право на историческое присутствие. Автор романа пытается воплотить в матриархе новый образ – это не отчаявшийся, опустивший руки и смирившийся человек, которого бесконечно мучают кошмары и навязчивые воспоминания (согласно теории травмы), но это человек, которого Аля описывает следующим образом: «Ты любила жизнь и никогда не теряла надежды. Ты научилась любить Яффу, даже когда она была жестокой, и

ты научила меня этой любви. Ты говорила, люди Яффы – это люди моря и купцы. Они акклиматизируются в любом месте, неважно, где бы они ни были. Ты была одинока в Яффе, но любила ее подобно тому, как без ума любят мужчину» [1, 232 стр.].

Тата не только осталась в Палестине, и, таким образом, отстояла свое право на жизнь на своей родной земле, но и, по мнению внука, мстила за своих соотечественников: «Ты с жадностью ела апельсины. Я думал, что ты любила их, и был удивлен услышать, что это не так. Ты начала есть апельсины только после того, как они выгнали тебя из аль-Маншии в Аджамии. Они оградил Аджамии колючей проволокой и объявили его закрытой военной зоной. Зачем же ты ела апельсины, если не любила их? Мстила ли ты за тех, кто оказался по ту сторону моря, тоскуя по апельсинам Яффы?» [1, 17 стр.].

Эти действия, хотя и отражают душевное беспокойство персонажей Азим, указывают на долговечность личных и коллективных воспоминаний палестинцев.

Роман «Код исчезновения» отражает стойкость травмирующих воспоминаний персонажей об изгнании и одиночестве и передачу этих воспоминаний молодому палестинскому поколению. Аля унаследовал от своей бабушки травмирующее наследие, которое тяжело забыть, и его преследуют воспоминания о былой Яффе, которой он не знал, ее людях, которых он не видел, и, как следствие, чувство глубокого одиночества и отчуждения. По мере развития романа Аля не только размышляет о воспоминаниях, полученных от своей бабушки, но и пытается анализировать события, происходящие в настоящий момент: бомбардировку Газы израильскими военными, случаи самоподрыва палестинцами, политику Израиля в отношении палестинцев и израильских арабов. Как объясняет Джабр, в травматическом опыте палестинцев нет «посттравматического стрессового расстройства», потому что он непрерывен и нескончаем» [22]. Следовательно, в то время как теория травмы сосредотачивается на запоздалых проявлениях травмы, у палестинцев нет пост-воспоминаний или запоздалых воспоминаний,

поскольку они все еще находятся под оккупацией. Саади и Абу-Лугод объясняют: «Таким образом, поколенческое время является третьим ключевым измерением памяти для палестинцев. Имеют место быть процессы передачи от одного поколения к другому - историй, воспоминаний, еды и гнева; происходит унаследование идентичности и бремени» [18, 19 стр.]. Память о событии, ее оформление в виде нарратива устраняют вытеснение, умолчание и позволяют сдерживаемым чувствам обрести выражение и осознание. Подобное действие имеет не только нравственно-оздоровительный эффект, а именно, повышение подвергнутой поражению самооценки и целостности, но и способствует общественному обсуждению, переживанию аффекта и катарсиса [23, 83 стр.] .

Более того, Азим использует архетип бабушки как эстетический троп, чтобы показать отношения между старшим и молодым палестинскими поколениями. Бабушки играют ключевую роль в сохранении истории и культуры Палестины. Они представляют родину как обитель корней и истоков. Они часто знакомят своих детей и внуков с культурными обычаями и традициями [17]. В романе «Код исчезновения» Аля слушает рассказы своей бабушки о Палестине до Накбы и представляет, как его бабушка с дедушкой, который бежал в Бейрут в 1948, гуляли по побережью моря, недалеко от аль-Маншии, деревни, где они жили. Аля чувствует особую близость к бабушке, а его мать представляется ему лишь опекуном. Азим использует воспоминания предков как форму сопротивления и мятежа против преднамеренного искажения Израилем палестинской истории. Размышляя о коллективных воспоминаниях палестинцев, персонажи демонстрируют ненасильственное сопротивление. Пожилые палестинцы являются частью культурного сопротивления оккупации и стирания памяти. Азим использует эпистолярное письмо, чтобы усложнить представление субъективных чувств своих персонажей: все чувства, переживания, воспоминания и обращения к своей покойной бабушке Аля оставил в дневнике. Цель ведения

данного дневника герой комментирует следующим образом: «Возможно, я пишу из страха, и против забывчивости. Я пишу, чтобы помнить, и напомнить, для того, чтобы воспоминания не стерлись. Память – моя последняя спасительная надежда» [1, 97 стр.].

Воспоминания Аля о былой Палестине основаны на рассказах и фотографиях Таты, его бабушки. Иногда, размышляя о ее рассказах, он начинает раздумывать, реальны ли они: «Если бы я не видел этого Зико на фотографии с моим прадедушкой, я бы подумал, что он был плодом твоего воображения. Зико» [1, 19 стр.]. Зико был партнером по бизнесу отца ее бабушки, евреем. После Накбы, выселения людей, их мебельные магазины были так же разграблены. Прадедушка Аля не прожил долго после этого года, он сошел с ума и умер от сердечного приступа. Как объясняет Хирш, семейные фотографии помогают последующим поколениям сохранить воспоминания своих предков и, следовательно, влияют на построение семейных повествований, историй и, что наиболее важно, идеологий [15].

Таким образом, в романе «Код исчезновения» Яффа до 1948 года и после представляет собой два разных города: «Твоя Яффа похожа на мою. Но она не та. Два города имитируют друг друга. Ты выгравировала свои названия в моем городе, и я чувствую себя вернувшимся из истории. Всегда уставший, блуждающий в своей жизни, подобно призраку. Да, я и есть призрак, живущий в твоём городе. Ты тоже призрак, живущий в моем городе. И мы называем оба города Яффа» [1, 16 стр.]. Это физическое изменение Палестины, ведь было уничтожено более 400 деревень и выселено более 750 000 людей [24]. Малая часть оставшегося населения была загнана в огражденные районы. Израильское государство заменило названия улиц, присвоило палестинскую землю и имущество. Здесь мы видим стремление Аля воссоздать ту Палестину: «Я пытаюсь громко напомнить себе вслух (настоящие) имена улиц, домов, людей, которые... до сих пор живут здесь. Даже если они сейчас в Бейруте, Аммане, или любом другом месте» [1, 95 стр.]. Иногда стремление Аля «палестинизировать» Тель-Авив принимало более материализован-

ные формы: «Однажды Ариэль пришел домой к Аля и обнаружил большое количество табличек с названиями улиц, которые Аля снял и принес домой. Он закрасил их черным и написал сверху зеленым другие названия. Он перечеркнул «Рот-шильд» и написал «Шараби». Он любил Хишам Шараби, перечитал все его произведения и считал, что он заслуживает того, чтобы в честь него была названа широкая улица» [1, 173 стр.]. Данные действия Аля свидетельствуют о его ненасильственном сопротивлении и стремлении к связям со своей настоящей родиной.

Результаты исследования

Изучив художественные особенности романа палестинской писательницы И. Азим «Код исчезновения», а также их роль в деколонизации теории травмы в отношении палестинского опыта, мы можем сделать следующие выводы:

- Теория травмы, в классическом ее понимании была рассмотрена такими критиками, как Кэти Карут, Шошана Фельман и Дори Лауб, а также Бессель Ван дер Колк и Онно Ван дер Харт, которые основывали свои изучения на фрейдистском психоанализе и трудах Поля де Мана о деконструкции и нерепрезентативные аспекты травмы, которые проявляются по истечении времени и беспокоят переживших травму. Согласно теории травмы, травмированные субъекты пассивно и бессознательно борются с травматическими проявлениями - состоянием, которое вызывает меланхолию и амнезию.
- Вышеперечисленные определения отрицают способность травмированных субъектов действовать в борьбе с их травмами или использовать их для принятия своего болезненного прошлого и принятия на себя этической роли в создании политических и гуманитарных изменений. Имеет место критика теории травмы за ее постструктуралистский подход, который заставляет рассматривать травматические переживания как непредставительные, аполитичные и антиисторические, а травмированные субъекты - как пассивные и амнезирующие.

- Расширяя потенциальное применение теории травмы, мы обнаружили травматические нарративы, использованные в романе «Код исчезновения» Ибтисам Азим, и определили, как эти психоэстетические и литературные тропы произвольных ретроспектив, нелинейных повествований и пост-воспоминаний способствуют палестинскому проекту сохранения и, таким образом, популяризации права на самоопределение палестинского народа.

- Художественные особенности романа «Код исчезновения» Ибтисам, такие как концентрация внимания на внутренней жизни героев, их размышлениях, чувствах, переживаниях помогли показать несостоятельность классического понимания теории травмы, и, таким образом, деколонизировать ее в отношении палестинского опыта.

Заключение

Подводя итоги, мы можем отметить высокую релевантность деколонизированной теории травмы в отношении палестинского травмирующего опыта на основании романа «Код исчезновения» палестинской писательницы Ибтисам Азим. Азим и другие палестинские писатели стремятся к укоренению и территориальности, чтобы создать вариан-

ты победоносной идеологии, фиксируя прошлое палестинцев. Они использовали личные воспоминания, рассказы, письма, мемуары и музыку, среди прочего, чтобы представить свою политическую и культурную маргинализацию. Вместо того, чтобы сводить травматические воспоминания к индивидуальной амнезии и меланхолии, травматическая память палестинцев рассматривается как коллективная и служит основой, через которую палестинцы призывают обратиться к праву на историческую Палестину. Такое исследование травматических повествований в романе «Код исчезновения» демонстрирует, как палестинская литература может быть продуктивной в расширении анализа исследований травм за пределы евро-американских случаев. Посредством художественных особенностей романа Азим добавляет к памяти еще одно измерение, а именно: сопротивление. Чтобы компенсировать потерю своей Родины, катастрофическую утрату, которая привела к чувству пораженчества и покорности, многие палестинцы помнят и напоминают о своем коллективном прошлом в качестве акта сопротивления «убийцам памяти» [8, 183 стр.]. Поэтому для палестинцев травматические воспоминания в значительной степени превратились в средство сопротивления, которое разрушает исторические искажения.

Список литературы

1. Azim I., Antun S. The book of disappearance: A novel / Azim I., Antun S. - New York: Syracuse University Press, 2019. - 242 p.
2. Felman S., Laub D. Testimony Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History / Felman S., Laub D. - Florence: Taylor and Francis, 2013. - 312 p.
3. Caruth C. Experience: Trauma, narrative, and history / Caruth C. - Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. - 168 p.
4. Шагаль В.Е., Дьяконов Е.В. Палестинская литература // Энциклопедия Всемирная история. [Электрон.ресурс]. - URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/paliestinskaia_litieratura (дата обращения: 26.08.2021)
5. Majaj L. Arab-American Literature: Origins and Developments // American Studies Journal. [Электрон.ресурс]. - URL: <http://www.asjournal.org/52-2008/arab-american-literature-origins-and-developments/> (дата обращения: 27.08.2021)
6. Salaita S. Modern Arab American Fiction: A Reader's Guide / Salaita S. - Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2011. - 164 p.

7. Van der Kolk, B., Onno Van der Hart. "The Intrusive Past: The Flexibility of Memory and the Engraving of Trauma." In *Trauma: Exploration in Memory*. Edited by Cathy Caruth / Van der Kolk, B., Onno Van der Hart - Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. -1995. P. 158-182.
8. Said E. *Invention, Memory, and Place* // *Critical Inquiry* - 2000. - Vol.26 No 2. P. 175-192.
9. Leys R. *Trauma: A Genealogy* / Leys R. - Chicago: University of Chicago Press, 2000. - 336 p.
10. LaCapra D. *Writing History, Writing Trauma* / LaCapra D. - Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2001. - 264 p.
11. Craps S. *Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds* / Craps S. -London: Palgrave Macmillan, 2013. - 181 p.
12. Buelens G., Durrant S., Eaglestone R. *The future of trauma theory: Contemporary literary and cultural criticism* / Buelens G., Durrant S., Eaglestone R. - London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. - 200 p.
13. Ward A. *Postcolonial Traumas: Memory, Narrative, Resistance* / Ward A. - London: Palgrave Macmillan, 2015. - 235 p.
14. Rothberg M. *Decolonizing Trauma Studies: A Response* // *Studies in the Novel*. - 2008.- 40 (1/ 2). - P. 224-234.
15. Hirsch M. *Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory* / Hirsch M. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. - 304 p.
16. Schwab G. *Haunting Legacies, Violent Histories and Transgenerational Trauma* / Schwab G. - New York: Columbia University Press, 2010. - 256 p.
17. Aboubakr F. *The Folktales of Palestine: Cultural Identity, Memory and the Politics of Storytelling* / Aboubakr F. - London: I.B. Tauris, 2019. - 256 p.
18. Sa'di A., Abu-Lughod L. *Nakba: Palestine, 1948, and the Claims of Memory* / Sa'di A., Abu-Lughod L. - New York: Columbia University Press, 2007. - 416 p.
19. Salam W.J., Mahfouz S.M. *Claims of memory: Transgenerational traumas, fluid identities, and resistance in Hala Alyan's Salt Houses* // *Journal of Postcolonial Writing* - 2020. - T.56 №3 - P.296-309.
20. Ehlers A., Hackmann A., Michael T. *Intrusive re-experiencing in post-traumatic stress disorder: Phenomenology, theory, and therapy* // *Memory* - 2004. -12. -P. 403- 415.
21. McNally R. J. *Psychological mechanisms in acute response to trauma* // *Society of Biological Psychiatry* - 2003. - T.53. - P.779-788.
22. Jabr S. *What Palestinians Experience Goes beyond the PTSD Label* [Электрон.ресурс]. - 2019. – URL: www.middleeasteye.net/opinion/what-palestinians-experience-goes-beyond-ptsd-label (дата обращения: 27.08.2021)
23. Мустояпова А.Т. *Теория травмы и нарратив* // *Вестник Карагандинского государственного университета им. Е.А.Букетова. Сер. Филология.* – 2021. –Т.2 №102. –С.81-92.
24. Pappe I. *The Ethnic Cleansing of Palestine* / Pappe I. – OneWorld Publications, 2006. –336 p.

References

1. Azim I., Antun S. *The book of disappearance: A novel* / Azim I., Antun S. (Syracuse University Press, New York, 2019, 242 p.).
2. Felman S., Laub D. *Testimony Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History* / Felman S., Laub D. - Florence: Taylor and Francis, 2013. - 312 p.
3. Caruth C. *Experience: Trauma, narrative, and history* / Caruth C. – (Johns Hopkins University Press, Baltimore, 1996, 168 p.).
4. Shagal V.Ye., Dyakonov Ye.V. *Palestinskaya literature [Palestinian literature]* (Encyclopedia World history) [Electronic source]. Available at: https://w.histrf.ru/articles/article/show/paliestinskaia_litieratura (Accessed: 26.08.2021).
5. Majaj L. *Arab-American Literature: Origins and Developments* // *American Studies Journal*. [Электрон. ресурс]. Available at: <http://www.asjournal.org/52-2008/arab-american-literature-origins-and-developments/> (Accessed: 27.08.2021).
6. Salaita S. *Modern Arab American Fiction: A Reader's Guide* / Salaita S. (Syracuse University Press, Syracuse, NY, 2011, 164 p.).

7. Van der Kolk, B., Onno Van der Hart. "The Intrusive Past: The Flexibility of Memory and the Engraving of Trauma." In *Trauma: Exploration in Memory*. Edited by Cathy Caruth / Van der Kolk, B., Onno Van der Hart – (Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD, 1995, P. 158-182).
8. Said E. *Invention, Memory, and Place*// *Critical Inquiry* - 2000. - T.26 №2: P. 175–192.
9. Leys R. *Trauma: A Genealogy* / Leys R. - Chicago: University of Chicago Press, 2000. - 336 p.
10. LaCapra D. *Writing History, Writing Trauma* / LaCapra D. (Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD, 2001, 264 p.).
11. Craps S. *Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds* / Craps S. – (Palgrave, Macmillan London, 2013, 181 p.).
12. Buelens G., Durrant S., Eaglestone R. *The future of trauma theory: Contemporary literary and cultural criticism* / Buelens G., Durrant S., Eaglestone R. (Routledge London, Taylor & Francis Group, 2014, 200 p.).
13. Ward A. *Postcolonial Traumas: Memory, Narrative, Resistance* / Ward A. (Palgrave Macmillan, London, 2015, 235 p.).
14. Rothberg M. *Decolonizing Trauma Studies: A Response*, *Studies in the Novel*, 40 (1/ 2), 224-234 (2008).
15. Hirsch M. *Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory* / Hirsch M. (Harvard University Press Cambridge, MA, 1997, 304 p.).
16. Schwab G. *Haunting Legacies, Violent Histories and Transgenerational Trauma* / Schwab G. (Columbia University Press, New York, 2010, 256 p.).
17. Aboubakr F. *The Folktales of Palestine: Cultural Identity, Memory and the Politics of Storytelling* (I.B. Tauris, London, 2019, 256 p.).
18. Sa'di A., Abu-Lughod L. *Nakba: Palestine, 1948, and the Claims of Memory* (Columbia University, Press New York, 2007, 416 p.).
19. Salam W.J., Mahfouz S.M. *Claims of memory: Transgenerational traumas, fluid identities, and resistance in Hala Alyan's Salt Houses*, *Journal of Postcolonial Writing* , 3 (56), 296-309 (2020).
20. Ehlers A., Hackmann A., Michael T. *Intrusive re-experiencing in post-traumatic stress disorder: Phenomenology, theory, and therapy*, *Memory*, 12, 403- 415 (2004).
21. McNally R. J. *Psychological mechanisms in acute response to trauma*, *Society of Biological Psychiatry*, 53 779-788 (2003).
22. Jabr S. *What Palestinians Experience Goes beyond the PTSD Label* [Электрон.ресурс]. - 2019. Available at: www.middleeasteye.net/opinion/what-palestinians-experience-goes-beyond-ptsd-label (Accessed: 27.08.2021).
23. Mustoyapova A.T. *Teoriya travmy i narrativ* [Trauma theory and narrative], *Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta im. E.A.Buketova. Ser. Filologiya* [Bulletin of Ye.A.Buketov Karagandy State University. Philology Ser.], 2(102), 81-92 (2021).
24. Pappe I. *The Ethnic Cleansing of Palestine* / Pappe I. – OneWorld Publications, 2006. –336 p.

А.Е. Жумадилова, Д.Т. Көптілеуова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

**Палестиналық жазушы И.Азимнің «Жоғалу коды» романының көркемдік ерекшеліктері:
жарақат теориясының деколонизациясы**

Аңдатпа. Тарихи қатысу құқығын жоғалту және Аля отбасын мазалайтын травматикалық тәжірибе тиесілілік пен бірегейлік анықтамаларын қиындатады. Бұл ұғымдар мен Палестина тарихының ауыр жады палестиналық жазушы Ибтисам Азимнің 2014 жылы шыққан «Жоғалу коды» романында қайта қарастырылған. Бұл мақала осы романның көркемдік ерекшеліктерін қарастырады және палестиналық тәжірибені түсіндіруге қатысты жарақат теориясына күмән келтіреді. Теорияның өзектілігі басты кейіпкерлердің бейнелерін іздеу үшін де бағаланады: Израильде тұратын палестиналық Аля және оның әжесі, 1948 жылғы Накбаның негізгі куәгері. Жарақат теориясы бойынша әдебиеттерге қысқаша шолу жасалды, сондай-ақ осы жарақат теориясына еуроцентристік көзқарастың кемшіліктері талданады, психологиялық реализм жанрында жазылған Ибтисам Азимнің «Жоғалу коды» романына негізделген палестиналық тәжірибеге қатысты жарақат теориясын деколонизациялау мүмкіндігі қарастырылады.

«Жоғалу коды» романына сәйкес, жарақаттаушы оқиғалар кейінгі палестиналық ұрпақтарға беріледі және осылайша Израильдегі азшылықтың ұлттық болмысын сақтайды. Бұл азшылық халықтардың, атап айтқанда палестиналықтардың жеке және ұжымдық жадының жойылуына травматикалық естеліктердің қалай қарсылық көрсету нысаны бола алатынын көрсетеді. Палестина тәжірибесін жеткізу және, біздің ойымызша, жарақат теориясын деколонизациялау үшін жазушы психологиялық реализмнің келесі көркемдік ерекшеліктерін пайдаланды: кейіпкерлердің ішкі өміріне, олардың ойларына, сезімдеріне, тәжірибелеріне назар аудару, ал роман сюжеті олардың шынайы ішкі жан дүниесін ашуға негіз болады.

Түйін сөздер: жарақат теориясы, Накба (апат), көркемдік ерекшеліктері, деколонизация, ұжымдық жады, қарсылық.

A.Ye. Zhumadilova, D.T. Koptileuova
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Artistic features of the novel by the Palestinian writer I. Azim “The Book of Disappearance”: the decolonization of the theory of trauma

Abstract. The loss of the right to historical presence and the traumatic experience that haunts Alya’s family problematize definitions of belonging and identity. These concepts and the traumatic memory of Palestinian history are revisited in the 2014 novel “The Book of Disappearance” by Palestinian author Ibtisam Azim. This article examines the artistic features of this novel and questions the theory of trauma in relation to the interpretation of the Palestinian experience. The relevance of the theory is also assessed for tracing the images of the main characters: Alya, a Palestinian from Israel, and his grandmother, the primary witness of the 1948 Nakba. A brief review of the literature on the theory of trauma is made, as well as the shortcomings of the Eurocentric approach to this theory of trauma are analyzed, the possibility of decolonizing the theory of trauma in relation to the Palestinian experience based on the novel “The Book of Disappearance” by Ibtisam Azim, written in the genre of psychological realism, is considered.

According to the novel “The Book of Disappearance”, traumatic events are passed on to subsequent Palestinian generations and thus preserve and maintain the minority’s national identity in Israel. This shows how traumatic memories can serve as a form of resistance to the erasure of the personal and collective memory of minority peoples, in particular the Palestinians. To convey the Palestinian experience and, as we believe, decolonize the theory of trauma, the writer used the following artistic features of psychological realism: focusing on the inner life of the characters, their thoughts, feelings, experiences, and the plot of the novel serves as the basis for revealing their true inner world.

Keywords: trauma theory, Nakba (Catastrophe), artistic features, decolonization, collective memory, resistance.

Сведения об авторах:

Жумадилова А.Е. – преподаватель кафедры Ближнего Востока и Азии, факультет востоковедения, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, ул. Карасай батыра, 95, Алматы, Казахстан.

Коптилеуова Д.Т. – к.ф.н., доцент кафедры Ближнего Востока и Азии, факультет востоковедения, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, ул. Карасай батыра, 95, Алматы, Казахстан.

Zhumadilova A.Ye. – Teacher of the Department of the Middle East and Asia, Faculty of Oriental Studies, Al-Farabi Kazakh National University, 95 Karasai batyr, str., Almaty, Kazakhstan.

Koptileuova D.T. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Middle East and Asia, Faculty of Oriental Studies, Al-Farabi Kazakh National University, 95 Karasai batyr, str., Almaty, Kazakhstan.